

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Ковалевского Сергея Алексеевича
«Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и
исследовательские концепции»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.06

С.А. Ковалевский для исследования выбрал тему, связанную с историей археологических исследований в Западной Сибири. Уже это, по моему мнению, делает тему актуальной, поскольку история сибирской археологии имеет много белых пятен, а специалистов, занимающихся их «удалением» не так много. Сам же диссертант актуальность объясняет иначе: - необходимостью:

- «осмысления массива накопленного за десятилетия археологического материала»;
- обобщения результатов работ специалистов, проведенных в предшествующие годы;
- введению в научный оборот результатов исследований, неопубликованных, или опубликованных частично.

С подобными постулатами трудно не согласиться, повторюсь, что уже одно обращение к историографии археологии весьма и весьма актуально, и похоже, еще долго таким останется.

Логика в изложении результатов исследования С.А. Ковалевского, безусловно, присутствует. Впрочем, иного и трудно ожидать в докторской диссертации. Автор последовательно и связно излагает историю изучения ирменской культуры, для удобства разбив повествование на несколько глав с параграфами, соответствующими этапам ее исследования.

Несколько выбивается из этой канвы глава 4, в которой изложены итоги разработок учеными проблем ирменской культурно-исторической общности. Представляется, что здесь был проанализирован несколько иной

историографический сюжет, связанный с определением места ирменских памятников в системе культур позднего бронзового века, характеру совокупности ирменских древностей, но не столько истории их изучения. Конечно, и эти вопросы нуждаются в изучении. Но, этот аспект археологической историографии немного чужд классической истории исследований.

Судя по структуре и тексту автореферата, С.А. Ковалевский основательно изучил литературу, касающуюся ирменской культуры, и, естественно, что история ее изучения и концепции формирования изложены полно. Выводы, основанные на таком массиве данных, выглядят обоснованно и достоверно. Новизна исследования в том, что это первое обобщающее изложение истории изучения ирменских памятников, причем рассмотрено их подавляющее количество.

Подобные работы обобщающего характера, полагаю, будут использованы учеными при анализе многих аспектов изучения позднего бронзового века: географических особенностям локализации памятников, проблем их классификации и периодизации, региональной специфике ирменских древностей и т.д. Подобные работы могут быть использованы и в учебном процессе, а также как справочники в музейной деятельности при атрибутике древностей.

С.А. Ковалевского я знаю как ученого, который постоянно публикует свои работы, число которых, по моим неполным сведениям, не менее 60 (это без учета его монографий и учебного пособия). Степень же опубликованности работ диссертанта соответствует его научной активности.

Некоторые положения, изложенные в автореферате в связи со своей краткостью мне не вполне понятны. Например, описывая первый этап изучения ирменской культуры, С.А. Ковалевский говорит о вкладе Императорского Томского университета, а также любителей древностей В.Г. Михайлове, Н.С. Гуляеве и С.К. Кузнецове (с. 9). Может быть роль ИГУ преувеличена? Ведь в то время весь университет состоял из одного

факультета – медицинского. Другое дело, что в то время в Томске жил В.М. Флоринский, а также функционировало Общество естествоиспытателей и врачей, которое и объединяло любителей древности. Может быть, их роль в развитии археологии, антропологии была более значительной, нежели первого за Волгой высшего учебного заведения? Напомню, что в опубликованных протоколах заседаний Ученого совета ИГУ с 1888 по 1917 годы не было поставлено ни одного вопроса о развитии археологии.

Что касается вышеперечисленных лиц – студента, лесничего, промышленника, то они нашли материалы, отнесенные к ирменской культуре, это бесспорно. Но было ли так велико значение находок, чтобы их упоминать особо? Скажем, в письмах представителей местной администрации в Томский губернский статистический комитет в середине 1880-ых годов подобных находок было указано намного больше.

Говоря о втором этапе (с. 10), диссертант, как мне кажется, неоправданно поставил в один ряд таких ученых как С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова и К.Э. Гриневича. С.А. Теплоухов в 1922 году вел раскопки возле с. Батени, изучая в том числе карасукский могильник. В полевой лагерь археолога на лодке приплыли двадцатилетний М.П. Грязнов и его друг Е. Шнайдер. Так началась их археологическая карьера. Вскоре С.А. Теплоухов опубликовал свои материалы. М.П. Грязнов к этому времени участвуя в экспедиции С.И. Руденко в качестве начальника отряда (правда отряд состоял только из него) смог только найти несколько памятников в низовьях Бии (Фоминское, Енисейское) и бегло их исследовать. После этого М.П. Грязнов изучал бронзовый век Казахстана, копал курганы Пазырыка, находился в ссылке, потом в эвакуации. К карасукской проблематике М.П. Грязнов вернулся после Великой Отечественной войны, раскопав комплекс Ближние Елбаны, который и был опубликован монографически. В целом, периодизация древностей Приобья была построена по схеме, опубликованной С.А. Теплоуховым. В этом плане показательны четыре этапа раннего железного века у обоих ученых. Вероятно, следовало бы

деятельность этих ученых описать не совокупно, а одного – в начале этапа, другого – конце, указав, что М.П. Грязнов в те годы следовал в русле концепции С.А. Теплоухова.

К.Э. Гриневич, сосланный в Томск античник, на мой взгляд, к изучению ирменской культуры отношения не имеет, за исключением того, что участвовал в раскопках Басандайки, организованных А.П. Дульзоном. Но тогда в Томске просто не было другого археолога. И если следовать логике автора – лицо, участвовавшее в раскопках Басандайки автоматически становится исследователем ирмени, то в список можно было бы включить самого А.П. Дульзона, З.Я. Бояршинову, Г.В. Трухина? А вот работы В.Н. Чернецова на Большом логу близ Омска почему-то в автореферате не указаны, хотя в течение трех послевоенных лет на Большом логу проведены были значительные раскопки, и был получен материал, отнесенный в конце-концов к ирмени.

Третий этап (с. 11 и далее), наверное, самый интересный. Именно тогда была выделена ирменская культура, и разведены территориально карасукские ирменские, бегазы-дандыбаевские памятники. До сих пор мне никто не смог ответить, как аспиранка Н.Л. Членова, работавшая в экспедиции М.П. Грязнова на раскопках поселения Ирмень I, сумела выделить новую археологическую культуру (использовав материалы девяти плохо копанных памятников), а доктор наук, известный своими исследованиями бронзы, и копавший поселение три сезона, специфику материала не заметил (?). И никогда потом М.П. Грязнов не писал об ирменской культуре (только варианты карасука), и никогда не обращался к материалам эпонимного памятника. Может быть факт и незначительный, но тогда произошел раздел мнений: младшие коллеги М.П. Грязнова – Т.Н. Троицкая и А.И. Мартынов продолжали ирмень называть карасуком. Ученик же М.П. Грязнова – В.И. Матющенко, друг В.И. Матющенко – М.Ф. Косарев, и ученик В.И. Матющенко – В.А. Посредников приняли точку зрения об ирмени. Хотелось

бы, чтобы диссертант описал этот сюжет, но, к сожалению, и в автореферате он не дал ответа на этот вопрос.

Далее, представляется неудачной фраза о том, что ученые (идет перечисление фамилий, с. 12) поддержали выделение ирменской культуры. Соглашусь с тем, что Т.Н. Троицкая, А.П. Уманский, Д.Г. Савинов, Ю.Ф. Кирюшин, В.И. Молодин – поддержали. Но А.Б. Шамшину, Е.А. Сидорову, В.А. Заху, вступившим на путь науки позже своих учителей и старших коллег, уже ничего не надо было поддерживать, все приняли без них, и они только восприняли точку зрения своих научных наставников.

Я бы не стал безоговорочно причислять памятник Новотроицкое 1, исследованный А.Я. Труфановым к ирменским. Там, конечно, ирменский комплекс был, но незначительный. Сам же памятник более поздний, относящийся к переходному периоду от бронзы к железу.

Ну и опять отсутствуют всякие упоминания о поселении Большой Лог у Омска, который в середине 1960 годов изучал В.Ф. Генинг. Правда тогда этот комплекс был отнесен к памятникам большеложского типа (единственный известный этого типа, но всегда множественное число). На самом деле, и раскопки Б.А. Коникова, Н.А. Мальцевой (Берсеновой), И.А. Морева показали, что памятник ирменский, но на поверхности керамики был гляняный «наброс» - технологическая особенность производства керамики. Это и заставило уральских ученых в начале 1970-х годов выделить особый тип памятников.

Можно было бы поискать и найти другие мелочи. Но привел я их не для того, чтобы уязвить автора, а дабы показать, что совершенству нет предела, и в будущих работах сам диссертант, его коллеги и последователи, может быть, их учтут

Высказанные мной замечания не направлены на то, чтобы снизить высокий уровень диссертации С.А. Ковалевского. Это, скорее, связан с тем, что текст автореферата невелик, и, возможно, ответ на мои замечания имеется в полном тексте.

Думаю, что не ошибусь, если выскажу мнение, что исследование С.А. Ковалевского соответствует требованиям ВАК п. 9. «Положения о присвоении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. №842 (с изменениями от 21 апреля 2016 г. № 335), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а сам автор заслуживает присуждения автору искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 - Археология.

Кандидат исторических наук,

Доцент

Сергей Семенович Тихонов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,

Сектор археологии,

Старший научный сотрудник

644024, Омск, пр. Маркса, 15

Телефон раб. 8(3812)371748

Телефон моб. 8-906-992-74-23

Адрес электронной почты semchi957@gmail.com

st-57@mail.ru